

ЕЛЕНА ОСОКИНА

АЛХИМИЯ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

ВРЕМЯ
ТОРГСИНА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Елена Осокина

**Алхимия советской
индустриализации.
Время Торгсина**

«НЛО»

Осокина Е.

Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина /
Е. Осокина — «НЛО», — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-1063-7

Средневековые алхимики бились над созданием философского камня, способного превратить обычные металлы в золото. Сталинскому руководству удалось создать его подобие. Философским камнем советской индустриализации стали магазины «Торгсин», в которых в голодные годы первых пятилеток советские граждане вынужденно меняли золото, валюту, изделия из драгоценных металлов на ржаную муку, крупу, сахар и нехитрый ширпотреб. Торгсин стал циничным способом пополнения бюджета Советского государства, которое начало модернизацию страны будучи банкротом, не имея золото-валютного запаса. Стремительный скачок крестьянской страны в индустриальное будущее был в значительной степени профинансирован личными сбережениями граждан. Книга полна подробностей повседневной жизни 1930-х годов, эпохи становления советской потребительской культуры, плановой экономики, дефицита и черного рынка. Елена Осокина — доктор исторических наук, профессор, автор книг по социально-экономической истории первых десятилетий советской власти. Книга стала лауреатом в номинации «Гуманитарные науки» и победила в народном голосовании премии «Просветитель» в 2019 году.

ISBN 978-5-4448-1063-7

© Осокина Е.

© НЛО

Содержание

Вступление	6
Часть 1. Время Торгсина	8
Глава 1. Золотая лихорадка	9
Глава 2. Торгсин родился	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Осокина
Алхимия советской
индустриализации **Время Торгсина**

Моим родителям и их поколению посвящаю

Вступление

Тот, кто читал роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», наверняка помнит похождения Коровьева и Бегемота в столичном магазине Торгсин, располагавшемся в самом конце Арбата у Садового кольца. Таким увидели его булгаковские герои:

Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фракные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой, потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они и топали озабоченно в коврик. Где-то в глубине за углом пели и играли патефоны...

Столичные жители и гости Москвы могли купить в том зеркальном Торгсине и «жирную розовую лососину», и «сельдь керченскую отборную», и мандарины, и шоколад, а также другие деликатесы и модный ширпотреб.

Однако платить за эти головокружительные соблазны нужно было валютными ценностями. Люди несли в Торгсин припрятанные золотые царские монеты и иностранную валюту, а также семейные реликвии, украшения и бытовые предметы из драгоценных металлов и камней. Единственный раз в советской истории руководство страны разрешило согражданам платить в советских магазинах наличной иностранной валютой и золотом.

В годы первых пятилеток по всей стране работали полторы тысячи торгсинов¹, большинство из которых сильно отличались от зеркальных столичных магазинов. Драгоценный урожай, собранный Торгсином, был огромен. За недолгие годы его работы советские люди снесли в Торгсин почти 100 тонн чистого золота! Торгсин перегнал главных добытчиков валюты – советский экспорт хлеба, леса и нефти. В погоне за золотом он фактически легализовал валютную проституцию и побил по валютным достижениям всемогущие органы госбезопасности, которые изымали ценности у населения силой.

Кто придумал Торгсин? Зачем он был нужен Сталину? Почему люди добровольно снесли туда ценное, порой отдавая дорогие сердцу семейные реликвии? Была ли сделка с государством по обмену ценностей на еду и товары честной? На что пошли горы золота? Почему советское руководство закрыло столь прибыльное предприятие?

Популярная книга должна быть просветительской. Не запираясь в узком сюжете одной темы, она открывает читателю как новые исторические горизонты, так и связь с уже известными событиями и именами. Скрещенья сюжетов и судеб – под стать приключенческим романам, а короткие рассказы о судьбах людей и стран – порталы в новые и известные исторические пространства. Тема Торгсина в книге вписана в большую историю России и мира – историю революции, советской индустриализации, коллективизации и голода, сталинского террора, экономического кризиса и депрессии на Западе, создания мировых музеев и распродажи российского национального достояния. Порталы-отступления уведут из торгсиновских 1930-х в прошлое и будущее – то в годы ленинской революции, то в годы сталинского «великого отступления», то во времена брежневской «Березки». Следуя за героями книги, читатель окажется в объятай гражданской войной Испании и фашистской Италии, поживет жизнью умиравших от голода крестьян, кремлевской элиты, подпольного советского миллионера, среднего класса Запада, жизнью американского инженера, заброшенного судьбой на стройки

¹ Написание слова «Торгсин» с большой буквы означает, что речь идет обо всем объединении или его региональных конторах, как, например, «Ленинградский Торгсин» означает «Ленинградская контора Торгсина». Написанное с маленькой буквы, слово «торгсин(ы)» употребляется как синоним слова «магазин(ы) Торгсина».

социализма. А какое же путешествие без книг любимых писателей – Булгакова, Ильфа и Петрова, Астафьева? Порталы ведут и в русскую литературу.

История, рассказанная в книге, перенесет читателя в детство моих родителей. Эту книгу я посвящаю им, Анне Петровне и Александру Андреевичу Осокиным, а вместе с ними – и всему поколению людей, живших в сталинские 1930-е.

Часть 1. Время Торгсина

Торгсин был детищем беды. Его породили крайняя нужда государства в валюте и массовый голод.

Глава 1. Золотая лихорадка

Рубеж 20–30-х годов XX века стал временем грандиозной ломки и тяжелейших испытаний как для советских людей, так и для советского государства. Сталинское руководство взяло курс на создание современной тяжелой индустрии и военной промышленности. Форсирование промышленного скачка в условиях ограниченного времени и скудных финансов спровоцировало острейший социально-экономический кризис в стране.

Выполнение индустриальной программы началось в 1926 году, и ко времени официального утверждения в 1929 году амбициозного плана первой пятилетки (1928–1932) индустриализация уже шла полным ходом. Грандиозный проект по превращению крестьянской страны в индустриальную военную державу требовал огромных затрат. Чертежи и технологии, машины и оборудование, промышленное сырье, знания и опыт специалистов предстояло покупать за границей, и платить за это нужно было валютой и золотом. Между тем Советский Союз ко времени начала индустриализации не имел золотовалютных резервов. Некогда одна из самых больших в мире, казна Российской империи, хранившая золота на сумму около 1,7 млрд рублей, уже к началу 1920-х годов опустела. На что было потрачено царское золото?

Часть имперской казны пошла на оплату военных кредитов в годы Первой мировой войны еще до прихода коммунистов к власти в России. Часть золота, которое при угрозе немецкого наступления вывезли из столицы на Волгу, была потрачена, расхищена и потеряна в перипетиях Гражданской войны, побывав и в руках большевиков, и у антисоветских правительств – Комитета членов Учредительного собрания (также известного как Комуч или Самарская учредилка), Уфимской директории и верховного правителя адмирала Колчака. Но даже с учетом всех этих потерь в распоряжении советского руководства после войны оказалась значительная часть царской казны – золото на сумму около миллиарда довоенных рублей.

Советское правительство потратило его на выплаты Германии по Брест-Литовскому мирному договору 1918 года, в результате которого Россия сепаратно вышла из мировой бойни, а также платы прибалтийским соседям по заключенным в 1920-х годах договорам, контрибуцию Польше после неудачной войны 1920 года, финансовую помощь Турции в 1920–1921 годах. Значительные суммы были потрачены на поддержку мирового коммунистического движения в надежде на скорый приход мировой революции. Кроме того, находившаяся в разлуке голодавшая страна платила золотом за импорт продовольствия и товаров. В результате, как свидетельствует составленный по поручению Ленина «Отчет по золотому фонду», к началу 1920-х годов свободная от платежных обязательств золотая наличность Советской России, даже с учетом поступлений от массовых конфискации частной собственности, составляла немногим более 100 млн рублей. Вот и все, что осталось от миллиардной казны Российской империи. Золотовалютный запас страны нужно было создавать заново.

Россия богата золотоносными землями, но скудная добыча природного золота в 1920-е годы не могла обеспечить валютные потребности индустриализации. За время мировой и гражданской войн отрасль развалилась. Ее медленное возрождение, главным образом силами частных старателей и иностранных концессий, началось в период нэпа. Однако добыча хотя и выросла с 7,4 т в 1922 году до 28,1 т чистого золота в 1930 году, не достигла и половины годовой золотодобычи Российской империи, лучшим показателем которой стал 1914 год, когда добыли 66,4 т чистого золота. Советское руководство до поры не занималось созданием государственной золотодобывающей промышленности, пополняя золотые ресурсы за счет скупки у населения и конфискации. Советский Союз приступил к созданию современной промышленной золотодобычи только в 1927 году, когда индустриализация уже началась. Именно в тот год было создано всесоюзное акционерное общество «Союззолото», а его председатель, большевик ленинской гвардии Александр Павлович Серебровский, по личному поручению Сталина

в качестве профессора Горной академии отправился в США изучать золотое дело на приисках Аляски, Колорадо и Калифорнии. Серебровский приезжал в США еще раз в 1930 году, чтобы восполнить пробел, отмеченный Сталиным, – незнание общей структуры золотопромышленности и связи ее с финансирующими учреждениями. В тот приезд в США Серебровский изучал работу банков в Бостоне и Вашингтоне, заводов в Детройте, Сент-Луисе, Балтиморе, Филадельфии, рудников в Колорадо, Неваде, Южной Дакоте, Аризоне, Калифорнии, Юте. Серебровского интересовали не только машины и финансовые системы – он приглашал специалистов на работу в СССР. Среди них оказался Джон Литтлпейдж (John D. Littlepage), начальник одного из золотых приисков Аляски. На протяжении десяти лет он помогал советской власти добывать золото, о чем написал книгу. Напряжение американской поездки закончилось для Серебровского больницей.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА АЛЕКСАНДРА СЕРЕБРОВСКОГО

Жизнь Александра Павловича Серебровского (1884–1938) вместила столько борьбы, труда, страданий и преодолений, триумфов и трагедий, что их с лихвой хватило бы на судьбы десятков людей. Свободолюбие и бунтарство Серебровского, видимо, были результатом семейного воспитания. Его отец участвовал в «хождении в народ», затем вошел в террористическую организацию «Народная воля», казнившую царя-освободителя Александра II; мать разделяла взгляды мужа. Шестиклассником Александр начал заниматься революционной работой, в последнем, седьмом, классе был исключен из гимназии. Восемнадцатилетие встретил в царской тюрьме, куда его отец передавал не еду и теплые вещи, а книги. «Капитал» Карла Маркса читал три раза. Работал на предприятиях Уфы, Петербурга, Иваново-Вознесенска... Агитировал среди рабочих и стал для них своим парнем, «слесарем Гришей». Но не переставал учиться. В эмиграции в Брюсселе поступил в Высшее техническое училище. Серебровского арестовывали, избивали, ссылали при царском и Временном правительстве, но худшая участь ждала его при сталинском руководстве, в советском государстве, которое было создано Серебровским и его единомышленниками.

У Серебровского было много заслуг. «Работать без топлива нет возможности... Вы знаете, в Баку нефть у нас отняли англичане», – сказал Ленин и доверил Серебровскому восстанавливать нефтяную промышленность в 1920-е годы. Сталин доверил ему «золотой фронт».

Серебровский считал, что Сталина вдохновила золотая лихорадка в Калифорнии середины XIX века. Вождь читал Брета Гарта, чьи книги были переведены на русский еще до революции. Золото не только пополнило валютные запасы США, но и вызвало экономический подъем на Западе страны. Калифорнийское золото помогло победе промышленного Севера над рабовладельческим Югом в гражданской войне в США. Видимо, Сталин рассчитывал, что золото поможет поднять Сибирь, однако экономический бум в Калифорнии был делом свободных людей, жаждущих обогащения. «Золотая лихорадка по-сталински» ускорила социально-экономическое развитие Сибири, но обернулась эковским Дальстроём.

Литтлпейдж, которого по праву можно считать одним из создателей советской золотой индустрии, связывал успехи отрасли с героической и умной работой Серебровского. Сам Литтлпейдж, или Иван Эдуардович – так его по-свойски звали советские коллеги, – вынужден был уехать из СССР с наступлением массовых репрессий. Он догадывался, но достоверно так и не узнал о трагической судьбе Серебровского. Другим старожилом советской

золотопромышленности был мистер Харри Уилсон, который проработал на приисках с 1930 по 1937 год. Он и Литтлпейдж были последними из могикан, задержавшимися в СССР, из некогда большой когорты американцев, приехавших на стройки социализма.

В конце июля 1937 года Серебровский вернулся из командировки в Москву больной, с гнойным плевритом. В тяжелом состоянии попал в больницу. В середине сентября ему сделали операцию, и он стал поправляться. 22 сентября Сталин поздно вечером лично позвонил жене Серебровского домой, узнал, как здоровье Александра Павловича, пожурил, что та не пользуется наркомовской машиной, напоследок просил передать Серебровскому поздравления с назначением на должность наркома и пожелал скорого выздоровления. На следующий день Серебровского арестовали и прямо из больницы на носилках перевезли в тюрьму. 8 февраля 1938 года он был приговорен к «высшей мере социальной защиты» по обвинению в контрреволюционной деятельности и через день расстрелян. Его жена, Евгения Владимировна, как верный товарищ делившая с мужем тяготы жизни, пыталась добиться правды. Ее арестовали в ночь на 7 ноября – в канун годовщины революции, которую делал ее муж. Она провела в заключении в общей сложности 18 лет. Серебровских реабилитировали в 1956 году.

Усилиями Серебровского и его соратников и при немалых государственных вложениях механизированная государственная золотодобыча становилась на ноги. К концу 1930-х годов «гражданская» золотодобыча вольнонаемных рабочих и подневольный гулаговский Дальстрой, который выдал первые полтонны золота в 1932 году, решили золотую проблему в СССР, но на это ушло время. Индустриализация ждать не могла. К концу 1928 года, первого года первой пятилетки, свободные от платежных обязательств золотовалютные резервы СССР составляли лишь около 130 млн рублей – мизерная сумма с учетом миллиардных потребностей советской индустриализации.

На что рассчитывало руководство страны, начиная грандиозный индустриальный проект при пустых золотых кладовых и отсутствии золотодобывающей промышленности, то есть фактически находясь в состоянии валютного банкротства? Расчет был на то, что благоприятная конъюнктура мирового рынка и традиционный для аграрной России продовольственный и сырьевой экспорт обеспечат валютные потребности индустриализации. Однако в 1929 году на Западе разразился кризис, за ним последовала затяжная экономическая депрессия. Это перечеркнуло планы советского руководства обеспечить индустриализацию валютой за счет экспорта. Пытаясь защитить свои национальные экономики, западные правительства ввели санкции против торговой экспансии других стран. В результате ограничения спроса мировые цены на сырье и сельскохозяйственные продукты резко упали. Так, экспортные цены на хлебопродукты в 1929/30 хозяйственном году по сравнению с предыдущим годом снизились более чем на треть.

Советское руководство пыталось компенсировать падение мировых цен ростом физических объемов экспорта, тем самым подрывая внутренний потребительский рынок. Иными словами, из-за того что приходилось продавать в пол- и треть цены, СССР вывозил на мировой рынок в несколько раз больше того, что планировалось, оставляя своих граждан голодными. Ситуация осложнялась тем, что крестьяне, являясь основными производителями зерна и другой сельскохозяйственной продукции, отказывались продавать их по ценам, которые предлагали государственные заготовители, считая их низкими. Существенное повышение закупочных цен, с точки зрения советского руководства, означало снижение вложений в индустриализацию, поэтому для того, чтобы быстро получить экспортные ресурсы, с конца 1927 года руководство страны стало применять репрессии против крестьян, а в 1929 году

начало насильственную коллективизацию в деревне. Создаваемые в ходе коллективизации коллективные хозяйства – колхозы – должны были стать механизмом выкачивания ресурсов из деревни. Крестьяне-колхозники, оставаясь производителями продукции, перестали быть ее собственниками. Насильственная коллективизация вызвала яростное сопротивление большинства крестьянства. По сути, в начале 1930-х годов в деревне полыхала гражданская война. В ней не оказалось победителей. Уклад крестьянской жизни был разрушен, миллионы крестьян обездолены. Но и государство осталось в проигрыше. Развал крестьянской экономики и репрессии привели к резкому снижению показателей сельскохозяйственного производства. Страна теряла продовольственные и экспортные ресурсы.

Начало 1930-х годов стало для государства временем титанического напряжения. Руководство страны пыталось наращивать темпы индустриализации, ведя при этом войну на два фронта: на внутреннем – против собственных крестьян, которые не хотели отдавать свою продукцию и идти в колхозы, на внешнем – против неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка. Однако, несмотря на напряжение и многочисленные жертвы в борьбе за экспортные ресурсы, вплоть до 1933 года валютные расходы на промышленный импорт значительно превосходили доходы от экспорта. Апогеем «безумства импорта» стал 1931 год. По данным Госбанка, траты на импорт в тот год превысили доходы от экспорта почти на полмиллиарда золотых рублей.

Страна оплачивала индустриализацию в кредит, все больше залезая в долги. СССР задолжал Англии, Польше, США, Италии, Франции, Норвегии, Швеции... Но главным кредитором вплоть до прихода Гитлера к власти была Германия. Всего за пять лет, с конца 1926 по 1931 год, общая внешняя задолженность Советского Союза выросла с 420 млн до 1,4 млрд золотых рублей. Платить долги нужно было золотом, но где его взять? Золотая казна пуста. Золотодобывающая промышленность только становилась на ноги. В период 1928–1931 годов государственная добыча *в среднем* не превышала 30 т чистого золота в год, что в золотом рублевом эквиваленте (1 рубль 29 копеек за 1 г чистоты) составляло менее 40 млн золотых рублей. О недостаточности этой суммы говорит, например, тот факт, что в 1931 году одни лишь расходы на иностранную техническую помощь превысили 30 млн золотых рублей.

Судьба индустриализации, а вместе с ней и судьба первого в мире коммунистического государства, зависела не от мировой революции, как предсказывал Маркс, а от презренного металла. Архивные документы свидетельствуют, что на рубеже 1920–1930-х годов руководство страны было охвачено валютной паникой. Ее пиком стали 1931 и 1932 годы. На отчаянное положение, в частности, указывает такой факт. В августе 1931 года в связи с платежами за американское оборудование правительство было готово разбронировать неприкосновенный (мобилизационный) запас цветных металлов.

Политбюро держало валютные вопросы под строжайшим контролем. Для экономии валюты сократили объемы непромышленного импорта и расходы экспортных и импортных ведомств. Советским организациям за границей запретили расходовать выручку от экспорта на административные и управленческие нужды. Был составлен внушительный список иностранных фирм, с которыми следовало расторгнуть ранее заключенные валютные договоры. Даже Наркомат тяжелой промышленности и Наркомат по военным и морским делам должны были сократить расходы на иностранную помощь. Советское правительство разрывало договоры в одностороннем порядке, просто уведомляя фирмы и останавливая платежи по обязательствам. Проверку расходов предприятий по валютным договорам теперь должен был проводить не Рабкрин – наркомат хозяйственного контроля, а служба госбезопасности – ОГПУ. Советским гражданам, которые работали за границей, резко урезали валютную часть заработной платы. Пятую часть причитающихся денег они теперь должны были получать в рублях и облигациях государственного займа. Были снижены командировочные для поездок за границу, сроки командировок, запрещалось тратить иностранную валюту на экипировку командируе-

мых, которые отныне должны были покупать все необходимое в СССР за рубли. Иностранным специалистам, работавшим в СССР по договорам, сначала также урезали валютные выплаты, а затем и вовсе отменили так называемую «золотую формулу», то есть обязательство платить золотом или по расчету на золото. Резко сократили отпуск золота «на внутреннее потребление», включая пополнение резерва и нужды предприятий. Признаками золотой лихорадки были и покровительство Сталина нарождавшейся советской золотодобывающей промышленности, и рождение Дальстроя – золотодобычи заключенных ГУЛАГа на Колыме.

ОГПУ активно участвовало в добыче золота для индустриализации, и не только на Колыме в Дальстрое. Под эгидой этого ведомства открывались валютные гостиницы. С санкции Политбюро под прикрытием Всесоюзного общества «Кредитбюро» ОГПУ собирало у советских граждан полисы иностранных обществ и наследственные документы для предъявления исков за границей. В случае удовлетворения иска государство забирало четверть выигранной валютной суммы. «Кредитбюро» оказывало содействие и тем гражданам, которые хотели снять валюту со своих счетов в иностранных банках, видимо тоже с потерей значительной части в пользу государства. Не ведая о том, что «Кредитбюро» было хозяйством ОГПУ, люди передавали информацию о своих валютных сбережениях точно по адресу – ведомству, которое занималось конфискацией ценных частных накоплений.

В архиве американского посольства сохранился интересный документ того времени – описание беседы представителя посольства с берлинским банкиром. Документ был секретным. По словам банкира, имя которого не разглашалось, в 1920-е годы, когда выезд за границу из СССР был относительно свободным, советские граждане открывали валютные счета в его банке в Берлине. При этом вкладчики настаивали на секретности и запрещали искать их по месту жительства в СССР. Все операции по вкладам осуществляли доверенные лица за границей. Банк строго соблюдал эти условия. Но недавно, продолжал банкир, работники банка получили серию нотариально заверенных требований советских вкладчиков о переводе им денег в СССР с их заграничных банковских счетов. Требования поступали через посредника – «Кредитное бюро» в Москве. Сотрудники берлинского банка не сомневались, что люди подписали нотариальные бумаги под угрозами ОГПУ, однако в этом они ошибались. Описываемые события происходили в трагическом 1933 году. Голод заставил людей рассекретить информацию о валютных вкладах за границей. Решив отдать государству значительную часть своих сбережений, они рассчитывали использовать оставшиеся деньги на продовольствие, но оказались заложниками банковской конфиденциальности. Берлинский банк «в интересах вкладчиков» отказался выплатить деньги по заявкам «Кредитбюро». Для немцев так и осталось загадкой, как советские власти смогли узнать имена и номера счетов вкладчиков.

В сборе валютных средств для индустриализации руководство страны не ограничилось экономическими мерами. В ход шли репрессии. В особых папках Политбюро регулярно встречаются распоряжения типа «Обязать ОГПУ в семидневный срок достать 2 млн рублей валюты» или «Предложить (другой вариант: „категорически предложить“. – Е. О.) ОГПУ сдать Госбанку валюты минимум на один миллион рублей». Во исполнение этих приказов в конце 1920-х – начале 1930-х годов ОГПУ провело массовые изъятия ценностей у населения. Так, в 1930 году прошла кампания по конфискации серебряной монеты, в ходе которой проводились и аресты владельцев золота. 20 сентября 1931 года появился циркуляр № 404 Экономического управления ОГПУ, который разрешил конфискацию золотых и серебряных предметов домашнего обихода. Сотрудники ОГПУ, видимо, переусердствовали, так что в сентябре 1932 года специальным циркуляром руководству ОГПУ пришлось разъяснять, что отбирать бытовые ценности можно только в случае, если «их количество имело товарный спекулятивный характер», а также в случаях их «особой валютной важности». Однако злоупотребления не прекратились.

В 1930–1932 годах под лозунгом борьбы с контрабандой и спекуляцией ОГПУ провело массовые операции по изъятию иностранной валюты. Сон управдома Никанора Ивановича Босого из главы 15 романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» навеян событиями тех лет². Вспомним его. Никанору Ивановичу привиделось, что он оказался в театральном зале. Темно-вишневый бархатный занавес был украшен изображениями увеличенных золотых царских десятков. Представление вел молодой конферансье в смокинге.

– Ну-с, Никанор Иванович, покажите нам пример, – задушевно заговорил молодой артист, – и сдавайте валюту.

После клятвенных заверений в том, что валюты у него нет, Никанор Иванович присоединился к сидящим на полу злостным укрывателям валюты. Некоторые из них сидели в театре уже больше месяца и имели запущенный вид. Зал погрузился в полную тьму, а на стенах выскочили красные горящие слова: «Сдавайте валюту!» После увещеваний конферансье в том, что лучше «жить тихо и мирно, без всяких неприятностей, сдав валюту», специально приглашенный «известный драматический талант», артист Куролесов Савва Потапович, исполнил отрывок из «Скупого рыцаря» Пушкина. Жалкая кончина скупца, который помер на сундуке с бесполезными сокровищами, и угрозы конферансье, что с ними «случится что-нибудь в этом роде», возымели действие. Появились желающие сдать валюту. Николай Канавкин, «маленького роста белокурый гражданин, судя по лицу, не брившийся около трех недель (! – Е. О.)», признался, что прячет тысячу долларов и двадцать царских золотых десятков у своей тетки на Пречистенке. Конферансье, оказывается, уже собрал сведения и о тетке, и о ее маленьком особнячке с палисадником. Услышав, что драгоценная валюта лежит в коробке в сыром погребе, артист возмутился:

– Да ведь они ж там заплесневеют, отсыреют! Ну мыслимо ли таким людям доверить валюту? А? Чисто как дети, ей-богу!

<...>

– Деньги, – продолжал артист, – должны храниться в Госбанке, в специальных сухих и хорошо охраняемых помещениях, а отнюдь не в теткинском погребе, где их могут, в частности, попортить крысы! Право, стыдно, Канавкин! Ведь вы же взрослый человек... <...> Да, кстати: за одним разом чтобы, чтоб машину зря не гонять... у тетки этой самой ведь тоже есть? А?

За теткой тут же послали, чтобы отправить ее в женский театр, где одновременно, но отдельно от мужчин, театрализованно-принудительно убеждали валютчиц. Видимо, женская природа требовала иных средств воздействия.

Никанору Ивановичу тем временем слышался нервный тенор, который пел: «Там груды золота лежат, и мне они принадлежат!»

Тут зал осветился ярко, и Никанору Ивановичу стало сниться, что из всех дверей в зал посыпались повара в белых колпаках и с разливными ложками в руках. Поварята втащили в зал чан с супом и лоток с нарезанным черным хлебом. <...>

– Обедайте, ребята, – кричали повара, – и сдавайте валюту! Чего вам зря здесь сидеть? Охота была эту баланду хлебать. Поехал домой, выпил как следует, закусил, хорошо!

² Булгаков начал писать свой роман в 1928 году и работал над ним до 1940 года.

– Ну, чего ты, например, засел здесь, отец? – обратился непосредственно к Никанору Ивановичу толстый с малиновой шейей повар, протягивая ему миску, в которой в жидкости одиноко плавал капустный лист.

– Нету! Нету! Нету у меня! – страшным голосом прокричал Никанор Иванович. – Понимаешь, нету!

Проснулся Никанор Иванович в слезах и все повторял:

– Нету у меня и нету! Пусть Пушкин им сдает валюту. Нету!

Историк Б. В. Соколов считает, что в образе Саввы Потаповича Куролесова, который, декламируя «Скупого рыцаря» Пушкина, убеждал находившихся под арестом валютчиков сдать ценности государству, Булгаков пародирует... самого Ленина, его смерть от паралича и фальшивое «воскрешение» его набальзамированного тела. Соколов пишет, что в более ранней редакции романа этот персонаж носил другое имя – Илья Владимирович (перестановка: Владимир Ильич) Акулинов (сравнимо с другим фольклорным персонажем, Ульяной, – мостик к Ульянову).

Концерт-истязание для валютчиков вряд ли был досужей фантазией Булгакова. Историк Г. В. Костырченко пишет, что, по свидетельству бывшего сотрудника Экономического отдела московского представительства ОГПУ М. П. Шрейдера, в 1920-е годы евреев-нэпманов ОГПУ убеждало сдать ценности с помощью родных мелодий, которые исполнял специально приглашенный музыкант. В арсенале методов воздействия у ОГПУ была и «долларовая парилка» – тюремные камеры, где жертву держали до тех пор, пока родственники и друзья за границей не присылали валютный выкуп. Об этом писал В. Кривицкий, сам сотрудник ОГПУ в 1930-е годы. С санкции Политбюро ОГПУ проводило показательные расстрелы «укрывателей валюты и золота». На рубеже 1920–1930-х годов страна фактически вернулась к жесткой валютной политике периода Гражданской войны.

Поиск золота и валюты обернулся распродажей национального художественного достояния. С началом индустриализации спорадический вывоз антикварных и художественных ценностей за рубеж превратился в массовый экспорт, который затронул, без преувеличения, все крупные музеи и библиотеки страны. Наиболее сильно пострадало собрание Государственного Эрмитажа.

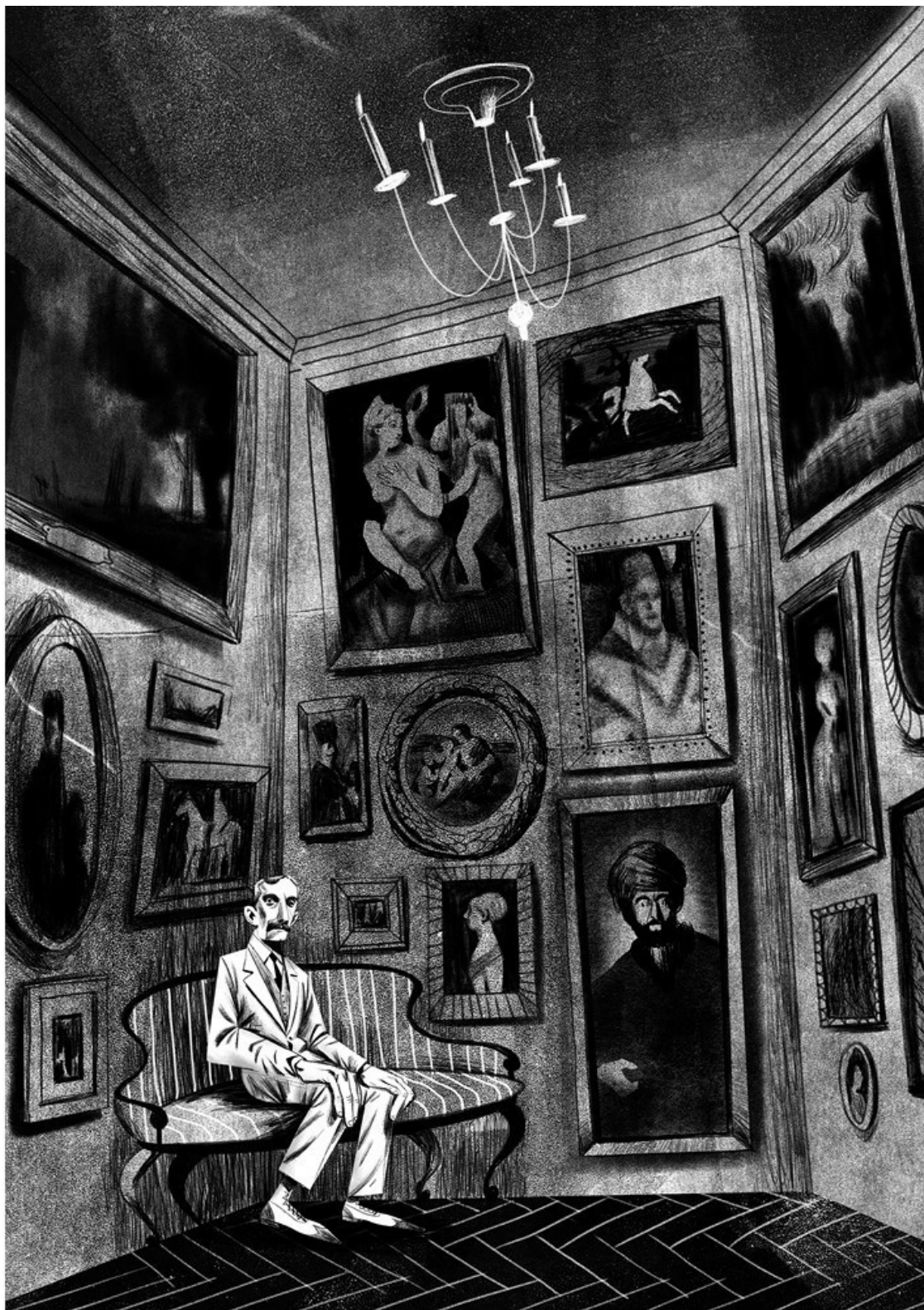
ЭНДРЮ МЕЛЛОН И СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ ИСКУССТВ США

Начав индустриализацию при пустых золотых кладовых, сталинское Политбюро было готово распродать Эрмитаж, но не за любую цену. Сделки срывались, потому что покупатель жадничал. Как не вспомнить, например, двухкратный провал – зимой 1928/29 года и в октябре 1930 года – переговоров со всемирно известным арт-дилером Джозефом Дювином (Joseph Duveen, 1869–1938), который за 40 шедевров Эрмитажа предложил СССР смехотворную цену 5 млн долларов. Да и Галуст Гюльбенкян, основатель компании «Ирак Петролеум», скупился, пытаясь извлечь максимум выгоды из своего монопольного положения первого и некоторое время единственного покупателя шедевров Эрмитажа. Гюльбенкян купил прекрасные работы, в их числе «Афина Паллада» Рембрандта, «Портрет Елены Фурмен» Рубенса, мраморная Диана Жана Гудона, – но сколько шедевров он упустил из-за скупости!

Все указывает на то, что судьба главных шедевров Эрмитажа в начале 1930-х годов зависела от того, появится ли богач, готовый выложить миллионы наличными. Найти такого человека в разгар экономического кризиса на Западе, когда разорившиеся биржевые маклеры выбрасывались

из окна, а бывшие президенты корпораций продавали на улице яблоки с лотков, было непросто. Банки закрывались, счета были заморожены, кредиты получить было практически невозможно. К несчастью для Эрмитажа, но к удаче американских музеев, человек с большими деньгами нашелся. Сын банкира из Питтсбурга министр финансов США Эндрю Меллон (Andrew W. Mellon, 1855–1937) купил 21 шедевр Эрмитажа. Среди них жемчужины картинной галереи музея – полотна Рафаэля, Боттичелли, Перуджино, Веронезе, Тициана, Рембрандта и других признанных западноевропейских мастеров. Сделка обошлась Меллону почти в 7 млн долларов – громадная для начала 1930-х годов сумма. Меллон, видимо, профинансировал покупку еще четырех шедевров, которые затем оказались в крупнейших музеях мира. Среди них – знаменитый «Татищевский складень» – две створки триптиха XV века «Голгофа» и «Страшный суд» работы Яна ван Эйка. С 1933 года складень находится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. После продажи складня в России не осталось ни одной работы этого мастера. По словам его биографа, «Меллон снял сливки с коллекции Эрмитажа, которая в то время не имела себе равных».

К началу 1930-х годов семейство Меллон контролировало около 2 млрд активов более 20 крупнейших корпораций. Но преуспевший предприниматель и чиновник Эндрю Меллон не был знатоком искусства. Он так и остался дилетантом, который порой не помнил имен художников, картинами которых наслаждался. Вкус Меллона формировали дилеры, подобные «милому пирату» Дювину, сделавшие имя и состояние благодаря открытию простого факта, что Европа богата произведениями искусства, а Америка – деньгами. Семейная жизнь Меллона сложилась неудачно, и не будет большим преувеличением сказать, что его частная жизнь ограничивалась коллекционированием. Меллон был человеком немногословным и даже нелюдимым. По словам современника, «он выглядел как счетовод, ведший двойную бухгалтерию и боявшийся потерять работу – изнуренный постоянным беспокойством и усталый, усталый, усталый». Отдых и успокоение Меллон находил в своей коллекции.

Эндрю Меллон наедине с коллекцией

Однако в начале 1930-х годов Меллон покупал уже не для себя. К моменту завершения сделки ему было 76 лет – подходящий возраст, чтобы задуматься о вечности. Незадолго до смерти Меллон передал свою коллекцию американскому народу – 125 картин, включая и шедевры Эрмитажа, 23 скульптуры, а в придачу и деньги на строительство здания Национальной

галереи искусств в Вашингтоне. Коллекция Меллона составила ядро галереи, куда стали передавать свои собрания и другие богачи-коллекционеры. Меллон настоял на том, что ни музей, ни его коллекция не будут носить его имени. Меллон сродни таким российским меценатам, как Павел Михайлович Третьяков – купец и собиратель русского изобразительного искусства, передавший свой музей Москве, или Дмитрий Петрович Татищев, который в бытность посланником России в Европе собрал, а затем передал русскому императору коллекцию, включавшую более 180 картин.

Меллон отвечал за практическую реализацию решений Конгресса США о защите отечественной промышленности и внутреннего рынка от импорта. Сталин не отказался бы иметь своего человека в американской администрации и продал бы шедевры Меллону дешевле, если бы высокопоставленный чиновник закрыл глаза на советский демпинг дешевых товаров на американский рынок. Однако Меллон избегал контактов с коммунистами. В то время когда Меллон-коллекционер покупал картины у СССР, Меллон-чиновник установил эмбарго на ввоз дешевых советских спичек, асбеста и леса. Шедевры Эрмитажа достались Меллону не за оказание услуг советскому руководству, а потому что он заплатил рекордные в условиях финансового кризиса и депрессии цены. Хотя сейчас эти цены выглядят до смешного низкими.

Если бы не Меллон, то самые ценные из проданных ему эрмитажных картин, а может и все они, остались бы в России, так как в тот момент другого покупателя, способного и готового выложить такие деньги, на примете у советских торговцев не было, а время продаж было относительно коротким: распродажа Эрмитажа началась в конце 1928-го и продолжалась до конца 1933 года. С другой стороны, если бы в момент острейшего валютного кризиса в СССР Меллон предложил советскому руководству больше денег, то он смог бы купить ВСЕ главные шедевры Эрмитажа. В мае 1931 года в Лондоне посредники Меллона вели переговоры о продаже трех из оставшихся в Эрмитаже главных шедевров – «Юдифи» Джорджоне и двух картин Леонардо да Винчи – «Мадонна Бенуа» и «Мадонна Литта». Советские продавцы запросили 700 тыс. фунтов (3,5 млн долларов), покупатель предлагал лишь 390 тыс. Сделка сорвалась. Будущий директор Национальной галереи искусств в Вашингтоне Джон Уолкер (John Walker, 1906–1995) не смог простить Меллону непонимание уникальности исторического момента. В своей книге Уолкер, в частности, пишет: «...господин Меллон так до конца и не понял, что он торговался за произведения искусства, которым не было равных в запасах Дювина, Уилденстейна или любого другого дилера в мире». А затем вновь безутешность: «Это разрывает сердце, так как, если бы сделка была доведена до конца, то сегодня Национальная галерея искусств (в Вашингтоне. – Е. О.) имела бы два бесспорных и два предполагаемых³ Леонардо и три Джорджоне – достижение, оспаривать которое мог бы только Лувр».

Национальной галерее искусств в Вашингтоне не удалось затмить Лувр, однако Меллон заслужил признание как патриот, приумноживший художественное достояние своей страны, и меценат, показавший, что может

³ В то время как эксперты бесспорно считают Леонардо да Винчи автором «Мадонны Бенуа», авторство «Мадонны Литта» вызывает споры.

сделать для своего народа человек с деньгами. Рассказывают, что когда картины прибыли в Америку, Меллон подолгу любовался ими в одиночестве. Но судьба оставила ему не много времени: 27 августа 1937 года Меллона не стало.

Капитал Меллона пошел на пользу Америки. А что же Россия? В начале XX века Эрмитаж, хранивший собрания русских правителей и пополненный в результате революции множеством прекрасных коллекций российской аристократии, имел шанс стать непревзойденным в мире музеем художественных ценностей. Сталинские распродажи, продолжавшиеся более четырех лет, обескровили Эрмитаж. Однако какой другой музей мира смог бы выдержать подобное опустошение и тем не менее остаться в ряду великих?

Продажи Меллону стали лишь одной из многих печальных страниц в истории сталинского экспорта произведений искусства. В общей сложности от продажи музейных ценностей в первой половине 1930-х годов СССР выручил порядка 40 млн рублей (около 20 млн долларов США по официальному обменному курсу в СССР того времени). Эта сумма была ничтожно малой в сравнении с потребностями индустриализации. В финансировании промышленного рывка гораздо большую роль сыграли ценные сбережения советских граждан – валюта, золото и серебро, которые те сдавали в магазины Торгсина в обмен на продовольствие и другие товары в голодные годы первых пятилеток.

Так, по-крупному и по крохам, руководство страны заново собирало золотовалютный запас. Одним из центральных событий «золотой лихорадки» рубежа 1920–1930-х годов стало создание Торгсина – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами на территории СССР. Торгсин стал вынужденной чрезвычайной мерой в поиске валюты для индустриализации. Золото сыграло главную роль в истории Торгсина.

Глава 2. Торгсин родился

Торгсин появился 8 июля 1930 года по постановлению Наркомата торговли СССР. В момент рождения это была небольшая контора Мосгорторга, который обеспечивал торговлю в советской столице. К концу года Торгсин вышел за пределы Москвы. Его отделения появились в некоторых советских республиках, краях и областях, но значительной роли они не играли, теряясь среди местных торгов. Первоначальное название – «Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР» – отражало ограниченность Торгсина, его избирательность и закрытость. Несмотря на острую валютную нужду, круг покупателей, которым правительство разрешило доступ в магазины Торгсина, был крайне узок. Советские граждане не имели права даже заходить в Торгсин, о чем предупреждали швейцар у двери и плакаты в витринах. Но и не все иностранцы могли покупать в Торгсине.

В начальный период Торгсин обслуживал только иностранных туристов, иностранных моряков в портах и транзитных иностранных пассажиров. Ни иностранцы, работавшие по контракту и длительно проживавшие в СССР, ни иностранные дипломаты не имели легального доступа в его магазины. Их обслуживал Инснаб⁴. Торговая сеть Торгсина была редкой: несколько магазинов в местах скопления туристов – универмаг на углу Петровки и Кузнецкого Моста в Москве, киоски в гостиницах «Октябрьская» и «Европейская» в Ленинграде; но главным образом новорожденный Торгсин был предприятием портовой торговли. Список первых торгсиновских контор повторял географию морских портов СССР: Архангельская, Владивостокская, Новороссийская, Евпаторийская, Одесская, Херсонская, Потийская, Ейская, Феодосийская... Ассортимент товаров был узкоспециальным – антиквариат, сувениры, ковры, меха, филателия, винно-водочные изделия, деликатесы. Он соответствовал интересам допущенного в магазины контингента покупателей.

Торгсин начал работать в период жесткой государственной валютной монополии, согласно которой только государство имело право проводить операции с валютой и золотом. Частные валютные операции по закону считались экономическим преступлением. Советские люди внутри страны не могли легально использовать валюту и золото как средства платежа. Иностранцам разрешалось иметь при себе наличную валюту, но Наркомфин вопреки экономической целесообразности пытался до минимума ограничить сферу ее использования.

Так, при обслуживании иностранных судов валютные операции были ограничены расчетами с капитаном⁵. Чаще всего наличной валюты у матросов не было. В пределах разрешенной суммы они записывали покупки на счет парохода. Зафрахтованная судно компания затем оплачивала счет. Советское государство стремилось держать под контролем валютные средства и тех иностранцев, которые работали в СССР по контракту. Валютную часть зарплаты на руки им не выдавали, а переводили на личные банковские счета за границей. Жить в СССР иностранные специалисты и рабочие должны были на рублевую часть зарплаты.

Иностранные туристы в СССР по требованию Наркомфина должны были расплачиваться преимущественно «рублями валютного происхождения». По внешнему виду простой рубль ничем не отличался от рубля валютного происхождения, но разница была. Валютными счи-

⁴ Специальная контора Государственного объединения розничной торговли по снабжению иностранных специалистов и рабочих продовольствием и промышленными товарами. Инснаб появился в 1931 году в связи с введением в стране карточной системы. У Инснаба были свои магазины, парикмахерские, фотоателье, ателье мод и другие предприятия. В годы карточной системы (первая половина 1930-х годов) продажа в распределителях Инснаба была нормирована и шла исключительно на советские деньги. В 1932 году Инснаб был передан в ведение Торгсина.

⁵ Услуги по снабжению советских судов заграничного плавания оплачивались по безналичному расчету Совторгфлотом. Советские моряки, ходившие в заграничные рейсы, получали товары из Торгсина по специальным документам, которые Совторгфлот выдавал им в счет их валютной зарплаты. Таким образом, и в этом случае валюта как средство платежа была обезличена.

тались те рубли, которые иностранцы получили в результате легального обмена ввезенной в СССР валюты. Всякий раз, когда иностранный турист в СССР платил рублями за товары экспортного качества, он должен был предъявлять квитанции Госбанка СССР об обмене валюты. Другим легальным средством платежа были валютные чеки⁶.

В тех случаях, когда иностранцы расплачивались в валютных магазинах, ресторанах или гостиницах наличной валютой, они могли платить только в пределах суммы, декларированной при въезде в СССР. Советская таможня следила за тем, чтобы иностранцы не вывезли валюты больше, чем ввезли, или даже столько же, сколько ввезли. Вычету подлежали прожиточный минимум и все валютные покупки в СССР, подтвержденные товарными счетами⁷. Ввезенная в СССР валюта могла потерять свой легальный статус, если по истечении трех месяцев после въезда в страну владелец не положил ее на специальный счет в банке.

Все эти валютные правила распространялись и на Торгсин. Поистине непростой была работа его продавцов. Согласно инструкции, они не только должны были по внешнему виду решить, кто перед ними – советский гражданин, которого нужно гнать взашей, или иностранец, но и определить, какая валюта поступила к оплате – легально ввезенная в страну или «снятая с вольного рынка», какой рубль они держат в руках – простой или «валютного происхождения». Кроме того, нужно было предупреждать покупателей о валютных ограничениях при вывозе товаров из СССР и не забывать ставить на покупательские чеки «погасительный штамп» – «В счет обратного вывоза валютных ценностей». По настоянию Наркомфина сотрудники Торгсина при продаже товаров обязаны были учитывать и прожиточный минимум иностранца, то есть убедиться, что иностранец не тратит больше той суммы, которая указана в разменной квитанции Госбанка – документе об официальном обмене валюты.

Парадокс заключался в том, что государство остро нуждалось в валюте, но при этом не хотело отказаться от экстремизма государственной монополии, которая существенно ограничивала источники поступления валюты в бюджет. Жесткое ограничение легальных операций с наличной валютой Наркомфин объяснял тем, что в условиях свободного выбора иностранцы продавали бы валюту на черном рынке, где обменный курс был выгоднее официального. Строгий валютный режим с точки зрения Наркомфина должен был способствовать концентрации валюты в руках государства, однако результат получился обратный. Спрос на валюту был, и она, несмотря на запреты, утекала на черный рынок. Там валюту можно было выгодно продать за рубли или купить на нее дефицитные товары. Услугами черного валютного рынка пользовались и советские граждане, и иностранцы. Так, скупка рублей по выгодному курсу на черном рынке была обычной практикой иностранных дипломатических миссий – ведь и дипломаты должны были жить в СССР на рубли⁸. Экстремизм государственной валютной монополии превращал значительную часть населения страны в вынужденных валютных спекулянтов.

Лишь резкое обострение валютного кризиса, граничившее с катастрофой, вынудило Наркомфин пересмотреть принципы валютной политики. В частности, были упрощены валютные расчеты в Торгсине. В мае 1931 года Наркомфин разрешил Торгсину не требовать у иностранцев документы о происхождении валюты. В мае 1933 года, принимая во внимание очевидную выгоду торгсиновской торговли, Наркомфин пересмотрел правило о вывозе драгоценно-

⁶ Валютные чеки Госбанка появились в 1931 году и выпускались достоинством в 5, 10 и 25 рублей. Купить их могли только иностранцы в Госбанке в обмен на валюту. В качестве платежного средства чеки принимались наравне с иностранной валютой. Чеки были именные.

⁷ В июне 1931 года расчетный прожиточный минимум для иностранцев составлял 10 рублей в сутки. Кроме того, согласно инструкции Наркомторга и Наркомфина от 8 июля 1930 года, купленные иностранными туристами товары, особенно изделия из драгоценных металлов и камней, могли быть вывезены только в счет ввезенной валюты.

⁸ После того как в октябре 1932 года обслуживание дипкорпуса перешло от рублевого Инснаба валютному Торгсину, появились специальные магазины Торгсина, обслуживавшие дипломатических работников. Так в Торгсине формировалась иерархия простых и элитных валютных магазинов.

стей в счет «валютной нормы» иностранцев, разрешив им беспрепятственный вывоз купленных в Торгсине ценностей.

Чтобы расширить круг валютных покупателей, в самом конце 1930 года Наркомфин разрешил иностранцам, которые жили и работали в СССР, приобретать товары в Торгсине, однако вновь только на советские рубли «валютного происхождения», то есть за счет уменьшения валютной части их зарплаты. При этом Наркомфин вновь повторил, что на внутреннем рынке категорически запрещается принимать от иностранцев, длительно проживавших в СССР, валюту в оплату товаров.

Эти меры несколько увеличили приток валюты государству, но не они превратили контору Мосгорторга «Торгсин» в крупномасштабное государственное валютное предприятие.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В сталинское и послесталинское время советская пропаганда усиленно укореняла миф «об осажденной крепости» – СССР, мол, провел индустриализацию без иностранной помощи, в условиях мировой изоляции и бойкота. Лишь в последние десятилетия тема вклада иностранцев в дело советской индустриализации получила должное внимание. Хотя иностранная помощь не была благотворительностью – за все приходилось платить валютой и золотом, – промышленный рывок в СССР проходил не в технологической изоляции и не в мировой блокаде.

Решение о массовом привлечении иностранцев на работу в СССР Политбюро приняло в марте 1930 года. Тысячи немцев, американцев, французов, чехов, австрийцев, англичан, финнов, норвежцев работали на ударных стройках социализма – на Челябинском тракторном, Горьковском машиностроительном, Магнитке, Грозненских нефтеприисках, даже на лесоразработках в Карелии и других местах. Многие приняли советское гражданство. Великая депрессия, потрясшая Европу и Америку, гнала людей в СССР. Люди бежали от безработицы в страну, где не было безработных, не зная, что безработный на Западе живет лучше рабочего в СССР. Приезжали и из идейных соображений. Людей захватила идея построения нового мира, участия в великом эксперименте XX века. Жизнь в СССР бурлила, в то время как западный мир пребывал в стагнации. Такими энтузиастами были Джон Скотт, Зара Уиткин (Заря Уткин), Маргарет Уэтлин, которые оставили нам мемуары о своей жизни в СССР. Зара, пережив личную трагедию, разочарованный вскоре вернулся в Америку. Джон Скотт, даже испытав суровость Магнитки, решил остаться и работать. Он был вынужден покинуть СССР перед самой войной, так как во время массовых репрессий потерял работу и подвергался опасности. Маргарет Уэтлин вышла замуж за русского театрального режиссера и прожила в России полвека, вернувшись в Америку только после смерти мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.